

Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования»: приказ Мин-ва здравоохранения и соц. развития РФ от 11.01.2011 № 1н // Российская газ. URL: <https://rg.ru/2011/05/13/spravochnik-dok.html> (дата обращения: 14.06.2021).

Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций: пост. Правительства РФ от 8.08.2013 № 678 // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70429490/> (дата обращения: 14.06.2021).

Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу: приказ Минобрнауки России от 23.07.2015 № 749 // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/71222700/> (дата обращения: 14.06.2021).

Положение о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу от 26.06.2017 № 01-Р/76217. Екатеринбург : ФГАОУ ВО РГППУ, 2017.

Шлендер П. Э., Лукашевич В. В., Мостова В. Д. Управление персоналом : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

УДК 94(47).048/05:327

Д. О. Манин

СПОРЫ РУССКИХ ПОСЛОВ О ТИТУЛАТУРЕ ЦАРЯ ПРИ ДВОРЕ ЛЮДОВИКА XIV

Статья посвящена изучению посольств как особой культурной практики раннего Нового времени в России. Акцент сделан на историю борьбы русских послов за признание титула «великие государи» (*“magni domini”*) при французском дворе. Основными источниками для работы стали статейные списки, дипломатические грамоты и материалы французских отчетов о посольствах. Рассмотрены механизмы этой борьбы, аргументы сторон, их взаимное восприятие, влияние международной обстановки и культурных стереотипов, а также дипломатических традиций. На основе проанализированного материала сделаны выводы об особенностях культурного инструментария членов посольств и их собеседников, а также о факторах влияния международной ситуации на дипломатическую борьбу.

Ключевые слова: Людовик XIV, русско-французские отношения, дипломатический церемониал, внешняя политика, Вестфальская система.

В современной исторической науке особое место занял эмический подход, который позволяет расширить представления историков

о прошлом. Его сутью является осмысление событий прошлого посредством анализа их акторов и выбора этими акторами тех или иных культурных традиций [см.: Черутти, 2005]. Именно эмический подход к изучению такого культурного феномена как посольства, с нашей точки зрения, способен дать новые ответы на вопросы формирования системы международных отношений в раннее Новое время, демонстрируя изменения в поведении самих акторов рассматриваемого процесса. На сегодняшний день такое изучение наиболее актуально в связи с происходящим процессом переформатирования современной системы международных отношений. Сравнение современного процесса с событиями прошлого может помочь российскому обществу переосмыслить свою роль в меняющемся мире.

Несмотря на ранний интерес к истории русско-французских отношений, их научное изучение началось лишь на рубеже XIX–XX вв., когда интерес к проблематике рос в связи с формированием Антанты. Прежде всего это работы А. Н. Рамбо [Recueil des instructions..., 1890, р. 36–38] и П. В. Безобразова [Безобразов, 1892, с. 11], выполненные в характерном для рубежа веков позитивистском ключе и ставшие основой для некоторых современных исследований [см.: Малиновская, 2014; Архимандрит Августин, 2010]. Тем не менее, описательный характер работ мешает авторам дать непротиворечивую трактовку фактов и ответить на принципиальные для темы вопросы (например, почему отношения между странами сложились так поздно). Последним серьезным вкладом в фактологическую сторону вопроса стала статья В. Д. Преображенского [Преображенский, 1947]. Отдельные проблемы русско-французских отношений затрагивались и в современных публикациях по более широким проблемам дипломатической истории России [Флоря, 2013; История внешней политики..., 1999; От царства к империи..., 2015], в т. ч. касавшихся места России в Вестфальской системе [Кобзарева, 2017, с. 304]. Тем не менее, вопрос о месте России на международной арене остается не до конца ясным из-за отсутствия достаточно объемного изучения ее связей с основными державами Европы.

Целью представленной статьи является использование эмического подхода для восполнения вышеозначенного пробела в изучении дипломатических связей России с Францией, центром системы международных отношений второй половины XVII в. Особенность и новизна представленной статьи заключается в предельно конкретном предмете исследования (эволюция принципов и условий использования титула “*magnus dominus*”), а также особый акцент на акторах, принимавших прямое участие в рассматриваемых процессах.

Стоит подчеркнуть, что для русского монарха титулатура имела важное значение, особенно в условиях превращения России в государство современного типа (для которого ключевое значение имеет суверенитет). Именно титулатура фиксировала как территориальные представления царя, а соответственно и российского государства в его лице, так и его статус относительно соседей. Изначально титул «господаря» (эволюционировавшего в титул «государь») был переводом латинского титула “*dominus*” [Золтан, 2002, с. 558]. Именно такой латинский термин использовался для перевода русских грамот, где великий государь именовался “*magnus dominus*” [АЕ, СР, Russie, vol. 1, fol. 75] или в качестве других вариантов этого латинского словосочетания.

Во второй половине XVII в. международное признание России в Европе актуализировалось в связи с внешней политикой в отношении Речи Посполитой, а позже – Османской империи. Несмотря на прогабсбургскую в целом ориентацию России, русские круги никогда не исключали Францию из числа возможных союзников и отправляли к Людовику XIV посольства при любой возможности к сближению [см.: Кочегаров, 2008, с. 113]. Важно подчеркнуть, что само включение России в Вестфальскую систему было обусловлено ее союзом со Швецией [Recueil des instructions..., 1890, t. VIII, p. X], которая, в свою очередь, оставалась традиционным союзником Франции.

Тринадцатилетняя война России с Речью Посполитой (1654–1667), а также события Северной войны (1655–1660) привлекали внимание европейских держав к Восточной Европе, а в подготовке проекта Кардисского мира незадолго до своей смерти успел поучаствовать сам кардинал Мазарини [Губер, 2000, с. 409], способствуя сближению Речи Посполитой и Швеции против Австрии и России [Wójcik, 1968, s. 85]. Для руководителя Посольского приказа А. Л. Ордина-Нащокина окончание Тринадцатилетней войны стало началом дипломатической войны за польский престол, где особую опасность представлял французский кандидат [Флоря, 2013, с. 409]. Отправляя посольства в Западную Европу, руководитель Посольского приказа не надеялся заключить с Францией перемирие в этом дипломатическом противостоянии [Wójcik, 1976, s. 130], но искал возможности к сближению на других направлениях – в балтийском и османском вопросах. В первом случае России была полезна переориентация Швеции в союзе с Францией на западное направление [Ibid., s. 238], во втором – громкие французские победы над османами в битве при Сен-Готарде 1664 г. и в ходе Кандийской войны (1645–1669) давали надежду на возможность успешного крестового похода против мусульман [Османская империя..., 2001, с. 165–166]. С такими целями во Францию была направлена миссия

П. И. Потемкина и дьяка С. Румянцева в 1668 г. Потемкин был опытным послом и активным участником войн с Речью Посполитой и Швецией. Хотя он и не мог быть отнесен к верхушке придворного общества, Потемкин имел с ней прочные связи, например, был вхож к патриарху [Седов, 2006, с. 46–47].

Интерес представляет способ описания статуса России и ее государя. Через наказ посольству А. Л. Ордин-Нащокин предписывал послу объявить королю и его советникам, что «*Великий Государь*, Его Царское Величество с *Великим Государем* их, с Его Королевским Величеством в братской дружбе и любви, на какове мере быти хочет» [Тайный наказ, 1850, с. 2], подчеркивая равный статус царя и его державы с королем и Францией [Там же, с. 4]. В наказе также расписывался алгоритм действий для обоснования такой титулатуры: основной акцент был сделан на защиту титулов «царь» и «самодержец», а полемика вокруг титула «великий государь» и прочих должна была повторять ее [Там же, с. 5–9]. Наказ рекомендовал при аргументации ссылаться на трансляцию статуса из Византии, вместе с регалиями – животворящим крестом и шапкой Мономаха (которая в русской концепции использовалась ранее для коронации всех греческих великих государей) [Там же, с. 8–9].

Проблемы с титулатурой в российской дипломатии возникали часто. В рамках посольства 1668 г. основанием для конфликта стал порядок титулов, написанных в полном объеме [Статейный список..., 1954, с. 282]. Впрочем, после подготовки новой грамоты оказались не упомянуты титулы «самодержца, отчича и дедича, и наследника, и государя, и обладателя» [Там же, с. 288]. Показательно, что согласно статейному списку, трансляция статуса из Византии через Константина Мономаха не использовалась в качестве аргумента, а Потемкин обосновывал титулатуру через длительность существования России, ее контроль над бывшими татарскими ханствами (Казанским, Астраханским и Сибирским) и через признание титулатуры прочими монархами Европы [Там же, с. 290].

Третий вариант грамоты представляет собой вычищенный вариант предшествующего документа, против чего послы протестовали, однако титул уже был указан, причем, с их точки зрения, верно [Там же, с. 292] (после переписывания грамота была принята [Там же, с. 295]). Важно отметить, что исправления грамоты известны только по статейным спискам, а во французских отчетах приставов упоминается лишь отстаивание послом наличия латинского перевода [АЕ, СР, Russie, vol. 1, fol. 52–53]. Тем не менее, повторение подобных инцидентов с исправлениями грамот в последующих посольствах (известны прецеденты, когда сами французские представители вспоминают

об исправлениях), позволяет утверждать о большой вероятности их соответствия действительности. Необходимо также подчеркнуть, что в сохранившихся латинских копиях царских грамот титул “*magnus dominus*” используется исключительно в отношении Людовика XIV, но не в отношении самого царя [Ibid., fol. 26], а для царя упоминается лишь в русском оригинале [Ibid., fol. 19], впрочем, и сам Наихристианнейший король не стал удостаивать себя подобным титулом в ответной грамоте [Ibid., fol. 38]. Основным достижением посольства 1668 г. стоит выделить становление новой традиции русско-французских отношений и формирование представления об используемой царем титулатуре.

Следующая посольская миссия произошла в годы Голландской войны Людовика XIV (1672–1678). Сменивший А. Л. Ордина-Нащокина на посту главы Посольского приказа А. С. Матвеев имел более традиционное понимание русской внешней политики и практически отказался от балтийского вопроса, сфокусировавшись на южном и юго-западном направлениях. С этого момента фактор привлечения Франции к антиосманской коалиции начинает доминировать над прочими. Когда в 1673 г. во Франции побывал русский посланник А. А. Виниус, его цель состояла в привлечении внимания к османской угрозе, он даже предпринял попытку предложить посредничество странам-участницам Голландской войны. После затянувшегося двухнедельного ожидания грамоты, серьезных споров вокруг титулатуры не возникло [Казакова, 1985, с. 355], хотя в русской грамоте царский титул “*magnus dominus*” был впервые употреблен в послании к королю [АЕ, СР, Russia, vol. 1, fol. 75]. Возможно, отсутствия конфликта можно объяснить низким статусом посланника Виниуса или его расчетом на возможность в будущем привлечь Францию к подготовке Вечного мира с Речью Посполитой, а в перспективе и к антитурецкой коалиции. Так или иначе, под руководством А. С. Матвеева Посольский приказ так и не успел предпринять существенных шагов в отношении Франции.

Проблема титулатуры получила дальнейшее развитие в конце правления Федора Алексеевича, когда было отправлено посольство, вновь возглавляемое Потемкиным, на этот раз совместно с дьяком С. Полковым. С начала 1680-х гг. стояла задача привлечения Людовика XIV к Священной Лиге, сложился даже проект русско-французского союза, направленный против Османской империи [Флоря, 2018]. Однако король не был готов открыто вступать в антитурецкую коалицию, а министр иностранных дел Ш. Кольбер де Круасси не возлагал больших надежд на союз с Москвой [Сборник..., 1881, с. 12]. После королевской аудиенции и перевода полученной грамоты оказалось, что

на ней отсутствовали титулы «царь» и «великий государь» [РГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 7, л. 111 об.]. Стратегией обоснования титулов стало простое указание на идентичность титулов Федора Алексеевича титулам его отца Алексея Михайловича, которые французы уже писали правильно. Помимо этого, посол пытался подкупить министра, выдав ему «сорок соболей по сто в десять рублей» для правильного написания титула [Там же, д. 9, л. 10]. Аргументация была принята французской стороной, грамоту послали на исправление, но вручение ее послам затянулось из-за смерти брата Ш. Кольбера де Круасси. В итоге на новой грамоте титул «великие государи» все равно остался не написанным [Там же, д. 7, л. 117 об.], с чем послы не смогли смириться, ссылаясь на страх королевского гнева [Там же, л. 132 об.]. Расхождение целей России и Франции на международной арене, как их понимали посол и министр иностранных дел, оказывало определенное влияние на ход посольства. Даже французские планы антишведской коалиции не способствовали сближению Франции с Россией, так как де Круасси планировал действовать не напрямую, а через сближение России и Дании [Сборник..., 1881, с. 401–407]. Соответственно и признание специфического титула осталось для французской стороны невозможным.

Тем не менее, внешнеполитический курс России способствовал более частым посольствам во Францию – именно объединение основных европейских держав против Османской империи было залогом как успешной военной кампании, так и скорейшего заключения Вечного мира. Деятельность миссии П. И. Потемкина и С. Полкова в 1684 г. продолжили посол С. Алмазов и дьяк С. Иполитов. В рамках их посольства во Францию недопонимание между дипломатами никуда не исчезло, а также вернулась полемика вокруг титула «великие государи», который французская сторона вновь не указала в грамоте, наотрез отказываясь его признавать. Алмазов для обоснования титула прибегал к рассказу об обещании французского посла, прибывшего к царю от Людовика XIII (по всей видимости речь идет о посольстве Л. де Курменена 1629 г.) писать полный царский титул [РГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 11, л. 41 об.] (возможно, вопреки сообщениям Котошихина [Котошихин, 1984, с. 40–41], сведения о ранних отношениях с Францией были Посольским приказом так или иначе сохранены).

В рамках этого посольства отвечать на жалобы послов пришлось не французским приставам, а самому министру иностранных дел королевства – Ш. Кольберу де Круасси. Он настаивал, что такого титула в переписке французский король никогда не использовал и признание титула за царем повлечет за собой желание прочих монархов также обладать им [РГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 11, л. 41], а также, уточнял де Круасси, даже сам Людовик XIV, являясь самым могущественным монар-

хом в Европе, таким титулом не пользуется [Там же, л. 45]. Здесь стоит вновь подчеркнуть, что Людовика XIV титулом “*magnus dominus*” русские грамоты называли на протяжении всего его правления, даже когда у адресанта грамоты, царя, этот титул не использовался. Титул казался русским послам более чем возможным к употреблению и даже необходимым, возможно, именно поэтому через апелляции к дипломатическим практикам отношений России с прочими государствами удалось убедить французскую сторону указать все титулы исправно (даже французские приставы сами предложили послам ознакомиться с латинским списком подготовленной грамоты, чтобы отдать в случае ошибок его на исправление) [Там же, л. 48 об.]. Присланный послам заранее список с грамоты не включал в себя лишь титул «обладателя», что было исправлено и послы грамоту приняли [Там же, л. 50 – 50 об.], почетно выполнив свою миссию.

Однако российский дипломатический триумф не длился долго, международная обстановка в корне менялась во второй половине 1680-х гг. Становилось все более очевидно, что Франции стоит готовиться к войне на своих собственных границах, а присоединение Людовика XIV к Священной лиге стало окончательно невозможным из-за многогранности противоречий Франции с Империей и опасности эскалации конфликтов [Roy, 1996, p. 63].

Картину дальнейших событий помогают воссоздать документы посольства Я. Ф. Долгорукова и Я. Е. Мышецкого. Беспрецедентность посольства проявлялась в самом статусе великих и полномочных послов – оба они были представителями высшей знати России, князьями из рода Рюриковичей. Своеволие российской знати привело к немалому количеству дипломатических инцидентов, послы не позволяли умять свою честь в той же мере, что и честь государеву. Терпение Людовика XIV и его администрации быстро закончилось, подпитывая известные послам стереотипы о деспотизме короля Франции [РГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 14, л. 34]. Поданная послам грамота после всех неудач посольства оказалась вновь написана с отсутствием титула «великие государи» [Там же, л. 95]. Посол долго настаивал на своем, подчеркивая, что в посольстве С. Алмазова и С. Иполитова грамота была написана исправно [Там же, л. 97 об.], но французская сторона этот факт отрицала. Вероятно, недопонимание было связано с тем, что это было первое русское посольство во Францию, которому была выдана грамота на французском языке без латинского дубликата. Если Людовик XIV мог указать титул “*magni domini*” на латинском языке, то сама возможность его трансляции на французский язык оказалась невозможной. Пререкания с королем закончились угрозой оставить посольство в Гавре, которая подействовала на русских послов, принявшим французскую позицию [Там же, л. 109].

Таким образом, за вторую половину XVII в. русская дипломатия и сама практика посольств прошли существенную эволюцию, неслучайно именно в форме посольства будет происходить знакомство Петра Алексеевича с европейской жизнью. Латинская версия царского титула в русских вариантах изменялась, в то время как французская сторона продолжала ориентироваться на традицию, заложенную первым посольством П. Потемкина. Более плотное вовлечение России в Вестфальскую систему отношений вело к необходимости учитывать Московское царство даже странами Западной Европы, несмотря на наличие ряда негативных стереотипов о «москвитках». Заинтересованность Людовика XIV и министра иностранных дел де Круасси в сохранении дружеских отношений с Россией способствовала принятию государева титула, но успехи русской дипломатии были нивелированы французским политическим курсом второй половины 1680-х гг. и отношением де Круасси к союзу с Россией.

Архимандрит Августин (Никитин) Франция и Россия от Людовика XIII до Петра I // Нева. 2010. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/10/aa17.html> (дата обращения: 29.07.2020).

Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М. : Унив. тип., 1892.

Губер П. Мазарини. М. : КРОН-ПРЕСС, 2000.

Золтан А. К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн. 1. С. 554–590.

История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М. : Международные отношения, 1999.

Казакова Н. А. А. А. Винус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // Тр. Отд. древнерус. лит.-ры. Л. : Наука, 1985. Т. XXXIX. С. 348–364.

Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система (1648–1686 годы) // Новая и Новейшая история. 2014. № 2. С. 144–165.

Кобзарева Е. И. Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672–1681 гг. М. : Историческая литература, 2017.

Котошикин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. : Изд. археогр. комиссии, 1884.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М. : «Индрик», 2008.

Малиновская А. В. А. А. Матвеев и его вклад в развитие торговых отношений между Россией и Францией // Личность в истории Нового и Новейшего времени : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 18 апр. 2014 / отв. ред. И. М. Эрлихсон, Ю. И. Лосев. Рязань : Изд-во «Концепция», 2014. С. 123–126.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / под ред. Г. Г. Литаврина. Ч. 2. М. : Пам. ист. мысли, 2001.

От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М. ; СПб. : Ин-т рос. ист. РАН; Центр гуманитарн. инициатив, 2015.

Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 2. // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. Вып. 9. 1947. С. 4–17.

Сборник русского императорского исторического общества. Т. 34. СПб. : Тип. имп. Акад. наук, 1881.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006.

Статейный список П. И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М. ; Л. : Наука, 1954. С. 227–318.

Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 1–10.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 93. Сношения России с Францией.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М. : «Индрик», 2013.

Флоря Б. Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. 2018. № 2. С. 139–146.

Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. № 4 (42). С. 5–18.

Шукуло М. И. Споры о статусе: посольский интродуктор и иностранные послы во Франции XVII в. // Новая и Новейшая история. 2016. № 2. С. 224–231.

Шукуло М. И. Французские дипломаты в системе дипломатической иерархии европейских дворов во второй половине XVI–XVII вв. // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2016. №1 (27). С. 139–146.

Archives du ministere des affairesétrangères (AE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 01.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française / ed. par A.N. Rambaud. Paris: Ancienne librairie G. Bailliére et cie F. Alcan, 1890. T. VIII.

Roy P. Louis XIV et le second siège de Vienne (1683). Paris: Honoré Champion, 1996.

Schaube M.-K. Comment régler des incidents diplomatiques? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIIe–XVIIIe siècle). Paris: Éditions A. Pédone, 2009. P. 323–343.

Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką: stosunki polsko-rosyjskie, 1667–1672. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968.

Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679: Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław; Warszawa: Wydawnictwo Polska Akademia Nauk, 1976.

УДК 94(470):378.147

П. А. Огорельцев, К. Д. Купорез

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена изучению положительных и отрицательных сторон дистанционного обучения в сфере высшего образования и основана на комплексном подходе (были использованы материалы прессы, результаты анкетирования студентов, мнения экспертов). Авторами определены